

Гостиница «Чанхэн» была из тех заведений, чьи лучшие годы остались в далёком прошлом. Именно почтенный возраст позволял ей до сих пор занимать место прямо напротив отеля «Семь звёзд» и, несмотря на ветхость, не пустовать благодаря идеальному расположению. Основными её постояльцами были либо туристы, приехавшие в город А, либо студенты, желавшие провести здесь праздники. Для них «Чанхэн» была настоящей находкой — дешево и сердито.

Найдя нужный номер, Ли Жун распахнул дверь, и в лицо ему ударил застоявшийся запах сырости. Обстановка в комнате была спартанской: кровать, тумбочка и двухметровый стол, привинченный под маленьким телевизором. На столе сиротливо стояли две бутылки минералки, платный сливовый напиток и потрепанный журнал с загнутыми углами.

У окна с массивной решёткой примостился небольшой диван. На его обивке всё ещё виднелась вмятина — след от чьего-то недавнего присутствия. Тёмный ковролин, судя по всему, служил верой и правдой не одно десятилетие; в углах всё ещё можно было разглядеть мусор, пропущенный при уборке. Только постельное бельё казалось белоснежным, хотя юноша не обольщался: одному богу было известно, сколько отбеливателя и дезинфекторов ушло на эту белизну и как на такую химию отреагирует кожа.

Даже если бы у него и возникли какие-то вольные мысли, в подобном окружении они улетучились без следа. Ли Жун поморщился от запаха и поспешил включить вытяжку. Она находилась в санузле и при работе издавала назойливое гудение, которое только добавляло раздражения.

Но главным достоинством «Чанхэн» был вид из окна: отсюда, как на ладони, просматривался банкетный зал отеля «Семь звёзд». Два здания разделяла лишь четырёхполосная дорога.

Цэнь Сяо подошёл к окну и распахнул его, впуская внутрь ледяной, но свежий воздух. Запах сырости немного развеялся, но Ли Жун, обхватив плечи руками, невольно чихнул. Даже в тёплой одежде стоять неподвижно при такой температуре было зябко. Его спутник поспешно закрыл створку.

Он обернулся, мельком взглянул на упаковку презервативов, бесстыдно лежавшую на тумбочке, и с совершенно невозмутимым видом произнёс:

— Ничего не поделаешь. Отсюда лучший обзор, пусть условия и подкачали.

Ли Жун повёл носом, пытаясь привыкнуть к амбре старого дома.

— Всё в порядке. Побудем здесь, пока не закончится встреча.

Цэнь Сяо взглянул на часы.

— Остался примерно час. Сюй Фэн скоро привезёт моих родителей, я должен зайти вместе с ними.

Староста плотнее закутался в пуховик и присел на край кровати. Он поднял глаза на Цэнь Сяо, и в его взгляде заплясали искорки смеха.

— И чем мы займёмся этот час?

Атмосфера в номере, мягко говоря, не располагала к романтике; для двоих молодых людей, привыкших к просторным виллам, такая обстановка была скорее удручающей. Однако это тесное пространство, пропитанное влагой, кричащая близость средств защиты на тумбочке и врывающиеся в комнату пёстрые огни ночного города создавали странное ощущение, будто они оказались в дешёвом эротическом фильме — грубом, прямом и будоражащем.

Ли Жун сидел, и Цэнь Сяо волей-неволей приходилось смотреть на него сверху вниз. Он разглядывал чистый профиль собеседника, его мягкие, чуть вьющиеся пряди у висков и тонкую шею, видневшуюся в вырезе воротника.

Цэнь Сяо сделал шаг вперёд. Носки его туфель коснулись обуви юноши, колени прижались к его коленям. Он полностью нарушил границы личного пространства, и Ли Жуну пришлось сильно запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Несмотря на плотные слои одежды, в момент соприкосновения нервные сигналы мгновенно достигли коры головного мозга, заставляя сердце замереть от вязкого, трепетного предвкушения.

Для взрослых людей слова порой излишни — намёки и так читались предельно ясно. Ли Жун сощурился; опёршись ладонями о кровать, он слегка отклонился назад и, опустив взгляд чуть ниже пояса партнёра, вкрадчиво прошептал:

— Мне-то всё равно, но «оно» потом сможет сохранять невозмутимый вид на вечере?

Мужчины всегда понимают друг друга без слов. Даже если не брать в расчёт духовную близость, чисто физическое влечение Цэнь Сяо к нему всегда граничило с одержимостью. Иначе в прошлой жизни они бы не предавались излишествам столь часто. Сейчас эта расслабленная, почти полулежащая поза была красноречивее любого согласия. Цэнь Сяо стоило лишь толкнуть его в плечи, чтобы повалить на матрас.

Но проблема, озвученная Ли Жуном, действительно существовала. Он понимал: он не сможет уйти от него, сохранив ледяное спокойствие.

После короткой дуэли взглядов они, плечом к плечу, уселись на край кровати и включили телевизор. Несмотря на малые размеры, изображение было чётким. Местный канал

транслировал репортажи о новогодних гуляньях в торговых кварталах города.

Торговые площади, и в обычные дни полные народу, сейчас напоминали разворошённые муравейники. Очереди в популярные рестораны исчислялись сотнями, а на маленьких скамеечках снаружи не было свободного места.

— Почему нынешние журналисты ищут новости только в таких пафосных местах? — негромко пробурчал Ли Жун. — Куда подевались те, кто тайно пробирался на нелегальные шахты, следил за торговцами людьми или внедрялся в подпольные казино?

Он помнил, как в детстве по телевизору то и дело мелькали подобные сюжеты. После таких расследований власти мгновенно начинали проверки, притоны громили, а людей спасали от трагедий, которые ещё не успели свершиться.

— Усилия не окупаются, — отозвался Цэнь Сяо. — Идеалы быстро разбиваются о реальность.

Ли Жун усмехнулся.

— Кажется, так в любой сфере. Героев-одиночек, идущих против течения, всегда хватает. Не хватает лишь почвы, на которой они могли бы выжить.

Репортаж прервался рекламным блоком. С экрана бодро зазвучало:

— Сосуды — словно скоростная магистраль: ни заторов, ни аварий быть не должно. В решающий момент выбирайте «Цинжуй». «Цинжуй» — ваш верный страж! Лечит атеросклероз, снижает холестерин. Спрашивайте в аптеках продукцию фармацевтической компании «Мэйцзян»!

Дослушав до конца, Ли Жун вскользь заметил:

— «Цинжуй» — это дженерик. Они начали штамповать его ещё до того, как истёк срок патентной защиты оригинального препарата. Использовали какую-то подставную контору в Мьянме в качестве прикрытия, наняли кучу торговых представителей и продавали людям под видом зарубежных закупок. Позже их, кажется, даже оштрафовали. Но теперь срок патента вышел, и они могут производить его уже открыто.

— «Мэйцзян»? Никогда о них не слышал, — признался Цэнь Сяо.

— Мелкая лавочка. Иначе бы не рискнули так нагло обходить закон.

Спустя некоторое время зазвонил телефон. Это был Цэнь Цин.

— Ты где? Мы с матерью уже подъезжаем.

Хотя голоса Сяо Мужань слышно не было, Цэнь Сяо почувствовал исходящее от трубки напряжение. Супруги были классической «образцовой парой» лишь на бумаге. Достигнув такого положения, они не могли позволить себе развод, поэтому вынуждены были играть роль любящих мужа и жены перед посторонними.

— Понял. Жду вас у входа.

Повесив трубку, Цэнь Сяо поднялся. Из окна было видно, как оживает и наполняется светом банкетный зал напротив.

— Родители приехали, — сказал он. — Я ведь официально не состою в Торговой палате, придётся воспользоваться их статусом.

— Иди, — Ли Жун выключил телевизор, обрывая на полуслове заикленную рекламу компании «Мэйцзян».

Цэнь Сяо вставил в левое ухо крошечный Bluetooth-наушник, прикрыв его волосами, и набрал номер старосты. Тот сразу ответил, взглянув на светящийся экран.

— Слышишь меня? — спросил Цэнь Сяо.

— Слышу, — негромко отозвался Ли Жун.

Мягкий, спокойный голос достиг правого уха напрямую, а левого — через электронный сигнал. Цэнь Сяо коснулся макушки собеседника, слегка взъерошив ему волосы.

— Я пошёл.

Как только дверь закрылась, Ли Жун устроился на маленьком диване у окна, поджав под себя ноги. Без света в комнате обзор стал гораздо лучше. Ночь не казалась тоскливой: оранжевое сияние уличных фонарей, ослепительно-белые люстры отеля и алые огни автомобильных фар сливались в единую палитру, позволяя рассмотреть всё, что происходило внутри «Семи звёзд».

Цэнь Сяо стоял у парадного входа, засунув руки в карманы. Вскоре подъехал чёрный автомобиль. Швейцар поспешил открыть дверь, и из салона вышли Цэнь Цин и Сяо Мужань. Несмотря на небольшое расстояние, Ли Жун с трудом мог разобрать их лица. Сюй Фэн передал ключи парковщику и пристроился за спиной председателя.

Цэнь Цин и Сяо Мужань шли под руку, но женщина заметно отклонялась в сторону, отчего их движения казались неестественно скованными.

В прошлой жизни Ли Жун никогда не встречался с родителями Цэнь Сяо официально. Он знал лишь, что они были в ярости, узнав об их отношениях, и что их сын из-за этого окончательно рассорился с семьёй. Одно время он даже представлял, как Председатель или тётя Сяо вызывают его к себе и в резких тонах требуют исчезнуть, чтобы не позорить фамилию.

Он заранее отрепетировал ответ — холодный, гордый и прямой.

«Это ваш сын ходит за мной хвостом»

Но этого не случилось. Цэнь Цин и Сяо Мужань не использовали свою власть, чтобы раздавить его. Они словно бесконечно копили злобу втихомолку, не в силах ничего предпринять. Ли Жун не знал, какие рычаги влияния использовал тогда Цэнь Сяо.

— Где ты пропадал сегодня? — сухо спросил Председатель, когда они остановились.

— Просто гулял, — небрежно бросил его сын.

Отец понимал, что это лишь отговорка, но тешил себя мыслью, что сегодня юноша зависит от него, а значит, преимущество на стороне старшего. Цэнь Цин уже открыл рот, чтобы продолжить расспросы, но Сяо Мужань нетерпеливо перебила его:

— Идём уже внутрь. Тебе не холодно?

Ему пришлось замолчать. Было очевидно, что Сяо Мужань испытывает глубокое отвращение к Объединённой палате, к институту «Хунсо» и ко всей этой ярмарке тщеславия. Даже явившись сюда, она не считала нужным скрывать своё недовольство. Сюй Фэн шёл следом, опустив голову и делая вид, что не замечает этой привычной семейной сцены.

Цэнь Сяо тоже оставался безучастным. Раньше он не мог понять, почему для его матери семья, долг и родная кровь значили меньше, чем всё, что было связано с фамилией Ли. Позже он осознал: те, кто уходят, оставляют в душе выжженное клеймо, и каждый вздох отзывается в сердце острой болью.

— Как там Сяо У? — неожиданно спросил он у матери.

Сяо Мужань вздрогнула. Она явно не ожидала, что сын спросит про кошку.

— Поела и спит, — ответила она с явным удивлением в голосе. — Она спит по десять часов в сутки.

Несмотря на прозаичность ответа, за последние месяцы это был их самый спокойный разговор. Цэнь Сяо кивнул. Значит, этот сине-золотой шиншилла наслаждается беззаботной жизнью,

пока Ли Жун даже не помнит, когда в последний раз высыпался.

Ли Жун наблюдал за ними в бинокль, время от времени разминая затекшие ноги. Он знал про эту кошку: тётя Сяо, судя по всему, очень любила животных. Через несколько лет этот зверь превратится в настоящий меховой шар, и только врождённое очарование породы спасёт его репутацию.

Как только они вошли в холл «Семи звёзд», Цэнь Цин незаметно кивнул Сюй Фэну и вполголоса произнёс:

— Можешь не ходить за мной. Осмотрись тут, перекуси чего-нибудь.

Сюй Фэн всё понял без слов:

— Хорошо, господин председатель. Пойду поищу закуски.

Он отошёл в сторону, но его настоящая работа — слежка за Цэнь Сяо — только началась. Цэнь Цин же, делая вид, что ничего не произошло, поинтересовался у сына:

— Нам с матерью нужно заняться делами. Ты намерен таскаться за нами весь вечер?

Тот усмехнулся:

— Пожалуй, не стоит.

Некоторые вещи Цэнь Цин предпочитал не озвучивать вслух.

Высокопоставленных гостей из «Ланьшу» и «Хунсо» было много, и банкетный зал едва вмещал всех желающих. Угощения, приготовленные отелем, тянулись бесконечной вереницей блюд, уходя из залов вглубь внутреннего сада.

Сад был украшен гирляндами; там стояли деревянные столы, качели и кусты морозостойких растений, а возле каждого места подрагивали язычки пламени в небольших обогревателях. Время близилось к восьми, людей в отеле становилось всё больше. Найти Ли Байшоу и Лю Таньжи в этой бурлящей толпе было непросто.

К счастью, на церемонию разрезания индейки должны были собраться все — даже те, кто ушёл в сад или на выставку подводных животных.

Цэнь Сяо взял стаканчик с йогуртом и, лениво покручивая его в пальцах, принялся прогуливаться по залу, разглядывая интерьер. Он намеренно подошёл к окну, чтобы Ли Жун

мог видеть его из номера напротив.

— Проголодался? — вполголоса спросил он. — Может, заказать тебе доставку?

Ли Жун всё равно покачал головой, хоть и понимал, что собеседник его не видит.

— Нет, обед был слишком плотным.

Затем он удивлённо добавил:

— Ой, а что это у тебя по правую руку? Неужели желеино-йогуртовые палочки?

— А? — Цэнь Сяо опустил взгляд.

На прозрачном подносе лежала горка сладостей в нежно-голубой упаковке.

— Не думал, что в таком отеле, как «Семь звёзд», можно встретить лакомства из нашего детства, — проговорил Ли Жун, и в его голосе послышалась ностальгия. — Я их сто лет не видел.

Все дети любят сладости. Даже если Гу Нун, заботясь о зубах сына, была против, маленький Ли Жун всё равно находил способ их раздобыть. Эти палочки были его любимым лакомством: в магазинчике у дома они всегда висели целыми гроздьями. Старушка-хозяйка лавки осторожно отрывала столько, сколько он просил, а если он покупал много, их можно было связать в длинную ленту и обернуть вокруг пояса. Профессор Гу часто сдавалась: стоило сыну надуть губы и уставиться на неё полными слёз глазами, как она тут же лезла за кошельком. Ей оставалось только следить, чтобы вечером ребёнок тщательно почистил зубы.

— Из детства? — Цэнь Сяо присмотрелся к сладости. Он таких никогда не пробовал. Он взял одну штуку и помахал ей в сторону окна. — Вкусно?

— Вкус я уже забыл, — тихо ответил Ли Жун. — Но раз я так выпрашивал их у мамы, значит, точно было вкусно.

Цэнь Сяо кивнул, сгрёб горсть палочек и бесцеремонно распихал их по карманам. Староста, видевший это через бинокль, невольно улыбнулся.

Цэнь Цин, как председатель Третьего района «Ланьшу», быстро оказался в кольце просителей и партнёров. Выкроив свободную минуту под предлогом смены бокала, он шепотом спросил у оказавшегося рядом Сюй Фэна:

— Ну что? Цэнь Сяо не выкинул ничего эдакого?

Сюй Фэн помедлил. Прижав палец к Bluetooth-гарнитуре, он негромко доложил:

— Есть кое-что... странное.

В голове Председателя тут же взвыла сирена тревоги. Он быстро отошёл в сторону и сделал глоток шампанского, пытаясь сохранить лицо.

— Что он натворил?

Перед глазами мужчины пронеслось несколько сценариев, каждый из которых требовал немедленного вмешательства.

— Он распахнул по карманам несколько йогуртовых палочек, — доложил Сюй Фэн с явным недоумением. — Выглядит... крайне странно.

<http://bllate.org/book/15351/1428218>